

В.З. Демьянков

ТЕРМИН ПАРАДИГМА В «РОДНОМ» И «ЧУЖОМ» АРЕАЛАХ

Введение

«Парадигма» – концепт, востребованный философией науки сравнительно недавно. До начала XX в. «парадигма» была «дремлющим концептом» этой области до того времени, когда термин начали интенсивно употреблять, размышляя о том, как упорядочивать знания о научных результатах.

Заслуга Т. Куна (Kuhn, 1962) заключается не во введении нового термина. Этот термин, в сходном, но не идентичном значении, бытовал в западноевропейской науке до него. Но важен акцент, сделанный в 60-е годы на «межчеловеческом» измерении даже наук¹, стремящихся к «объективности», «внеличностности».

Языкознание – одна из таких наук о человеке. Отвлечься от человеческого фактора для такой теории – все равно, что для биолога изучать анатомию человека исключительно по художественным изображениям. Однажды, впрочем, подобный эксперимент проводился и в языкознании: лингвистический структурализм был попыткой посмотреть на язык как на то, что существует «само по

---

¹ Под «науками» Кун имел в виду естественные науки, как этого требует употребление слова *science* в английском языке. Гуманитарные науки у Куна в эту группу дисциплин не входят. По (Hoyningen-Huene, 1989), парадигмы в «естественных науках» устанавливают связи между различными предметами, исследуемыми представителями данной дисциплины, – отношения сходств и различий между этими предметами. На основе этих отношений ученые рассматривают «сходные» предметы сходным образом.

себе и для себя». Этот эксперимент был приостановлен в середине 60-х годов, когда «антропоцентричность» начала успешно соперничать со структуралистской методикой исследования.

Итак, использование термина *научная парадигма* – одно из первых проявлений антропоцентричной философии науки.

В каком же смысле можно говорить о научных парадигмах в лингвистике? Этим вопросом мы и займемся в данном разделе.

Употребление термина в европейской науке

1.1. Романский ареал

Paradigma – в латыни «ученое» заимствование из греческого. Как это часто бывает, именно поэтому в художественных произведениях на латинском языке мы практически не встречаем этого термина, но в специальном значении находим его в научных текстах. Например, в работах по теологии и по риторике.

Так, в теологическом сочинении «Книга о душе» Тертуллиан (Tertullianus. Liber De Anima) пишет по поводу здорового сна: *Voluit enim deus, et alias nihil sine exemplaribus in sua dispositione molitus, **paradigmate** Platonico plenius humani uel maxime initii ac finis lineas cotidie agere nobiscum, manum porrigens fidei facilius adiuuandae per imagines et parabolas sicut sermonum, ita et rerum* – «Бог, действительно, захотел (а можно попутно заметить, что Он вообще ничего не допускает, в рамках своей воли, без подобных образов и теней) установить перед нами, образом более полным и совершенным, чем платоновский пример (букв. платоновская парадигма), путем ежедневного повторения, очерчивания перед нами состояния человека, особенно в том, что относится к началу и завершению дел; так, прямо помогая нашей вере, а не передавая нам образы и притчи, и не только словами, но и делами». При всей туманности данного пассажа, несомненно то, что под «парадигмой» имеется в виду не грамматическое понятие.

А в книге Доната по риторике «О тропах» (Donatus. De tropis) находим такое высказывание: *Homoeosis... Huius species sunt tres: icon, parabole, **paradigma*** «Гомеозис ... Три разновидности его: образ (икона), притча (назидание, наставление) и **парадигма**». И далее: *Paradigma est enarratio exempli hortantis aut deterrentis.* «**Парадигма** – это сказывание привлекательного или отталкивающего примера» (там же).

В итальянском языке этот термин также не част, находим его в текстах XV в., например у Франческо Колонна в книге «Гипноротомачия Полифилия, в которой излагаются все человеческие дела» (Francesco Colonna. *Hypnerotomachia Poliphili, ubi humana omnia*, 1467): *Polia racconta per qual modo la sagace nutrice per varii esempi et paradigmi l'amonisse vitare l'ira, et evadere le mine deli del* – «Полия рассказывает, каким образом прозорливая кормилица учила на нескольких примерах и **парадигмах** (образцах из жизни) сдерживать гнев...».

С этого времени и вплоть до XIX в. устойчиво употребляется словосочетание *esempi e paradigmi* «(отдельные) примеры и (целые) парадигмы». Так, Дж. Леопарди в своем дневнике (G. Leopardi. *Zibaldone: Pensieri di varia filosofia e di bella Letteratura*, 1823 – «Записные книжки: Мысли по поводу разных философий и художественных произведений») утверждает, что науки и системы могут развиваться только в рамках парадигм и отдельных примеров, наводящих на размышления – по поводу различных предметов: *Le scienze e i sistemi non possono andare che per via di paradigmi e di esempi, supponendo tali e tali subbietti, di tali e tali qualita in tali e tali circostanze ec. ovvero generalizzando, sia col salire da questi particolari esempi alla universita de' subbietti in qualche modo diversi, e delle combinazioni diverse, sm nelle cause sm negli effetti; sia in qualunque altra guisa. E tutte sono obbligate di fare piu o meno come le matematiche, che per considerare gli effetti delle forze, suppongono i corpi perfettamente duri, e perfettamente levigati, e l'assenza del mezzo, ossia il vyto, ec.; e cosm il punto indivisibile ecc.* – «Знания и системы могут развиваться только путем обобщения, когда отталкиваются от конкретных предметов, переходя к универсальности предметов в некоем роде различных и от различных их сочетаний – парадигм и примеров, связанных с теми или иными предметами, тех или иных свойств, в тех или иных обстоятельствах и т.д., либо различных по причине или по результату; либо же каким-либо иным образом. И все эти науки должны более или менее соблюдать сходство с математикой, и когда прибегают к идеализации, рассматривая результат действия сил, представляют себе взаимодействие тел идеально твердых, совершенно гладких, т.е. полагают, что нет промежуточных ступеней и т.п.; скажем, полагают, что точка неделима и т.д.»

В испанском «околонаучном» дискурсе термин *paradigma* употребляется как синоним для терминов «система» и «закономерность». Например, Хулио Валера в книге «Асклепигения: Философоловобный диалог» (J.Valera. *Asclepigenia: Dìblogo filosityfico-amoroso*,

1878) пишет: *Aunque Pulqueria poseyese, no ya sylo este planeta que habitamos, sino todos los demõs planetas, y los astros, y los cielos, no poseerna mõs que un burdo remedo del Universo, tal como el Demiurgo le contempla en el **Paradigma**, antes de sacar la copia o el traslado.*— «Хотя в распоряжении Пульхерии была не только планета, на которой мы живем, но и все остальные планеты, а также звезды и небеса, у нее была всего лишь грубая копия Вселенной, как ее видит Демиург в образце (букв. “в **парадигме**”), перед тем как снять копию или сделать дубликат».

Наконец, по данным авторитетных **французских** словарей этот термин впервые был употреблен по-французски в 1561 г. в качестве термина грамматики со значением «пример»: *Mot-type qui est donnõ comme module pour une dõclinaison, une conjugaison* «слово-тип, даваемое в качестве образца, модели для склонения или спряжения» (Petit Robert, 1997). Употребление же в общелингвистическом значении «парадигматичность» фиксируется в 1943 г.: *Ensemble des termes substituables situõs en un mõme point de la chaõne parlõe* «множество взаимозаменяемых терминов, допустимых в одной и той же позиции в речевой цепи» (там же). В художественной литературе вплоть до последнего времени этот термин очень редок. Например, встречаем его в романе Л. Блуа «Самоубийца» (L. Bloy. *Le Dõsespõyõ*, 1886): *Haine, malõdiction, excommunication et damnation sur tout ce qui s'õcartera des **paradigmes** traditionnels...* — «Ненависть, проклятие, изгнание из общества и осуждение всем, кто осмелится отклониться от традиционных образцов» (букв. «парадигм»).

1.2. Германский ареал

1.2.1. Литература на немецком языке

В контексте «междисциплинарная парадигма» встречаем этот термин уже в XVIII в. Например, Г.К. Лихтенберг (1742–1799), которому приписывают первенство в употреблении этого термина за пределами грамматики (Kisiel, 1982), в своих знаменитых «Черновиках» говорил о «парадигме» как о «рычаге», с помощью которого образный взгляд оптика «прилагается» к объяснению явлений химии металлов: *Ich glaube unter alien heuristischen Hebezeugen ist keins fruchtbarer, als das, was ich Paradigmata genannt habe. Ich sehe nõmlich nicht ein, warum man nicht bei der Lehre vom Verkalchen der Metalle sich Newtons Optik zum Muster nehmen kõnne. Denn man muõ*

notwendig heut zu Tage anfangen, auch bei den ausgemachtsten Dingen, oder denen wenigstens, die es zu sein scheinen, ganz neue Wege zu versuchen – «Из всех эвристических рычагов ни один мне не кажется более плодотворным, чем то, что я назвал парадигмой. Так почему бы не воспользоваться ньютоновской оптикой в качестве образца в учении о старении металлов. Даже сегодня можно попытаться пересмотреть и найти новые подходы к самым ясным явлениям или по крайней мере к тем, которые только кажутся очевидными» (G.Ch. Lichtenberg. Aus den «Sudelbüchern»).

Он же писал о переносе «парадигмы» научного рассмотрения из ньютоновской физики (оптики) на кантовскую философию. Например: *Ich glaube, daß man durch ein aus der Physik gewöhntes Paradigma, auf Kantische Philosophie hätte kommen können* – «Я полагаю, что парадигму физики можно использовать в кантовской философии» (там же).

Таким образом, о Ньютоне, использовавшем понятия теории света для объяснения законов тяготения, можно говорить как о показательном примере. А при дальнейшем переносе можно назвать Ньютона парадигмой для такого нового взгляда.

Можно спорить с тем, насколько уместно или неуместно это употребление термина *парадигма*. Так, Ст. Тулмин пишет: «Лихтенберг доказывал, что в физике мы объясняем загадочные явления, соотнося их с некоторой стандартной формой процесса, или парадигмой, которую мы готовы принять в данный момент в качестве не требующей объяснения. В период расцвета кантовской и гегелевской философии эта идея временно ушла в тень, но была воскрешена в конце XIX столетия, когда работа Лихтенберга оказала такое же освободительное влияние на германоязычных философов, как работа Дейвида Юма – на англоязычных. Например, Эрнст Мах считал, что Лихтенберг оказал решающее влияние на его собственную эмпирическую теорию восприятия; в то же время термин «парадигма» был возрожден Людвигом Витгенштейном, который применил его и согласно его первоначальному назначению в философии науки, и в более общем плане – как ключ к пониманию того, каким образом философские модели, или стереотипы, действуют в качестве шаблонов или, говоря на языке инженеров, “зажимов”, формулирующих и направляющих наше мышление в predetermineden, а иногда и в совершенно неподходящих направлениях» (Тулмин, 1972/84, с. 118). Л. Витгенштейн активно употреблял термин *парадигма* в своих кем-

бриджских лекциях 1938–1947 гг. Хотя лекции эти читались по-английски, здесь заметно влияние немецкого словоупотребления.

Уже к концу XIX – началу XX в. все чаще встречаем слово *Paradigma* не только в научной, но и в художественной литературе на немецком языке. Так, в знаменитых «Зарисовках господина Дамеса» (1913) графини Франциски цу Ревентлов встречаем: *Ja, Maria wurde fortan als Paradigma hingestellt, als lebendes Symbol für heidnische Möglichkeiten* – «Да, на Марию после этого смотрели как на образец (букв. **парадигму**), как на живой символ возможностей язычников» (Franziska Gräfin zu Reventlow. Herrn Dames Aufzeichnungen).

Своеобразным чемпионом был Курт Тухольский, у которого даже есть небольшой рассказ (написанный между 1907 и 1918 гг.) с этим названием. Однако везде термин этот привносит дух научности. Например: *Ich bin das Paradigma, an dem du deine scheuÄliche Wissenschaft übst, ich bin das wehrlose Opfer all deiner bubenhaften Schöler, schölerhaften Buben...* – «Я – та парадигма, к которой ты применяешь свою мерзкую науку, я – беззащитная жертва всех твоих подлых школяров, школярских подлецов...» (K. Tucholsky. Paradigma). Буквальный перевод немецкого предложения с *Paradigma* по-русски до сих пор звучит не очень естественно.

Часто говорят о парадигме в начале XX в. и социологи; например, у Г. Зиммеля читаем: *Jene durchgehend menschliche, wohl in tiefen metaphysischen Gründen verankerte Tendenz, aus einem Paar polarer Begriffe, die ihren Sinn und ihre Wertbestimmung aneinander finden, den einen herauszuheben, um ihn noch einmal, jetzt in einer absoluten Bedeutung, das ganze Gegenseitigkeits – oder Gleichgewichtsspiel umfassen und dominieren zu lassen, hat sich an der geschlechtlichen Grundrelation der Menschen ein historisches Paradigma geschaffen* – «Эта исключительно человеческая тенденция, по-видимому, коренящаяся в глубоких метафизических основаниях и состоящая в том, что из небольшого числа полярно противоположных понятий, находящих свой смысл и значимость друг в друге, чтобы затем этот смысл, на этот раз в абсолютном измерении, проявить в игре противоречий и равновесия, сделав доминантным, – создала в главном отношении полов историческую парадигму» (Simmel, 1919, S. 1–6).

Но особенно часто употреблял этот термин М. Вебер, например, в таком контексте: *Die hierhergehürigen Ausführungen Albertis sind ein sehr geeignetes Paradigma für diejenige Art von – sozusagen – immanentem ökonomischem «Rationalismus»* – «Относящиеся к данному

предмету рассуждения Альбертиса составляют очень удобную парадигму для той самой разновидности, так сказать, имманентного экономического *рационализма*» (M. Weber. Religionssoziologie. Teil I).

1.2.2. Англоязычная литература

Paradigm в английском входит, по свидетельству многочисленных тезаурусов, в ряд лексем типа **Prototype**: *prototype, original, model, pattern, precedent, standard, ideal, reference, scantling, type; archetype, antitype; protoplast, module, exemplar; example, ensample, paradigm; lay-figure* (Roget, 1952).

Впервые *paradigm* упоминается на английской почве в 1476–1485 гг. (см.: Webster, 1852). Первоначально – как *paradigma*, например: *I would not have any one falsly to thinke that this Memorandum is presented to your person to implie in you defect of those duties which it requires; but sincerely to denote you as a paradigma to others* – «Я не допускаю мысли, что этот меморандум был представлен Вашей персоне с тем, чтобы намекнуть на Ваше несоответствие тем требованиям, которые в нем содержатся; этот меморандум указывает как раз на то, что Вы являетесь образцом (букв. парадигмой) для других» (Rachel Speght. Mortalities Memorandum, 1621).

Эта форма конкурировала с *paradigm* очень долго, вплоть до XIX в., ср. в одном из писем Томаса Джефферсона (1816): *I, too, have made a wee-little book from the same materials, which I call the Philosophy of Jesus; it is a paradigma of his doctrines, made by cutting the texts out of the book, and arranging them on the pages of a blank book, in a certain order of time or subject. A more beautiful or precious morsel of ethics I have never seen* – «Я также на основании тех же материалов составил небольшую книжечку под названием “Философия Иисуса”. Это – парадигма его учения, полученная в результате цитат и упорядоченная хронологически или содержательно в определенной последовательности. Более прекрасного или ценного очерка этики я еще не встречал» (Th. Jefferson, Letters, 1816).

В толковых словарях современного английского языка у этого слова находим две главные группы толкований (Webster, 1994).

1. За пределами грамматического описания

1а. Образец, пример для подражания или «модель» (*pattern, example, or model*).

Когда по-русски говорят о беспрецедентности исследования, о том, что некто начал с нуля, по-английски мы также – уже в XIX в. –

прочитаем об отсутствии парадигмы¹ или о единственности парадигмы², в том смысле, что образцов для подражания практически нет.

1b. Общее представление («концепт»), считаемое большинством людей в интеллектуальной сфере, в частности в естественных науках, наиболее эффективным для объяснения сложного процесса, сложной идеи или набора данных; например, в «Принципах эстетики» Д.Х. Паркера: *Sometimes, however, it happens that the standard continues to be embodied in some one or few works which, because of outstanding excellence, serve as explicit paradigms governing judgment; such works are classics in the true sense* – «Иногда, впрочем, бывает так, что стандарт по-прежнему воплощен в одном или нескольких произведениях, которые, в силу своего выдающегося превосходства, служат в качестве эксплицитных образцов (paradigms), на которые ориентируется суждение; такие произведения являются классикой в истинном смысле слова» (Dewitt H. Parker, *The Principles Of Aesthetics*).

В таком значении слово употребляется даже в поэзии конца XIX – начала XX в., например, в «Тайэре» Йейтса: *Plato thought nature but a spume that plays / Upon a ghostly paradigm of things* – «Платон считал природу всего лишь накипью, играющей / На прозрачной парадигме вещей» (W.B. Yeats, *The Tower*).

С середины 60-х годов английские словари указывают на значительный рост употребительности этого термина в научных текстах,

---

¹ Например: When Stevenson, writing from Samoa in the agony of his South Seas (a book he could not write **because he had no paradigm** and original to copy from), says that he longs for a «moment of style,» he means that he wishes there would come floating through his head a memory of some other man's way of writing to which he could modulate his sentences – «Когда Стивенсон, охваченный сильными чувствами под впечатлением от Южных морей, писал с Самоа (книгу написать он не мог, потому что перед ним не было **парадигмы** и источника, по которым он мог бы ее создать), что страдает от отсутствия "стилевого" момента, он имеет в виду, что ему хотелось бы, чтобы его осенило воспоминание о том, как кто-нибудь другой мог бы написать нечто, по образцу чего можно было откорректировать свои предложения» (Charman, 1899).

² Например: Our notion of them is the most abundantly suggested and satisfied of all our beliefs, the last to suffer doubt. The difference is that our critics use this belief as their sole paradigm, and treat any one who talks of human realities as if he thought the notion of reality 'in itself' illegitimate – «Наше представление о них вполне укладывается в наши мнения и в наименьшей мере подвергается сомнению. Отличие состоит только в том, что наши критики опираются на это мнение как на единственную парадигму, а если кто-либо говорит о человеческих реалиях, то понимают это так, что слово реалии "само по себе" употреблено неуместным образом» (James, 1909).

когда мы читаем, что нобелевский лауреат Д. Балтимор (David Baltimore) *really established a new paradigm for our understanding of the causation of cancer* – «установил настоящую новую парадигму для нашего понимания причин раковых заболеваний». Выдающиеся ученые теперь устанавливают (establish) и ниспровергают (overthrow) парадигмы, объявляют о своей принадлежности к той или иной парадигме или о своем отходе от сложившихся парадигм: *the paradigms they were working in or trying to break out of*¹. То есть, по-английски, «работают в парадигме» и «вырываются из парадигмы»: парадигма является своеобразной научной средой (что по-русски передается оборотом «в рамках парадигмы»). Пособия по правильной английской речи сетуют на злоупотребления этим модным термином за пределами научной литературы. Так, не вполне нормативным считается такое употребление: *The paradigm governing international competition and competitiveness has shifted dramatically in the last three decades* – «Парадигма, регулирующая международную конкуренцию и конкурентоспособность, в последние три десятилетия сильно изменилась» (Heritage, 1996). По-русски также не вполне естественно звучат: *парадигма сдвинулась* или *парадигма пошатнулась*.

2. В грамматике: образец склонения или спряжения, задающий словоизменительные возможности лексемы. Например: *Then he swore comprehensively at the entire fabric of our glorious Constitution, cursing the English language, root, branch, and paradigm, through its most obscure derivatives* – «После чего он отчетливо выругался по поводу всего стройного здания нашей славной Конституции, обрував самыми маловразумительными производными словами английский язык, корень, ветку и парадигму» (R. Kipling. *The day's work*).

Как видим, в английском находим те же значения, что и в других современных европейских языках. Этот термин употребляется не только в научной литературе, но и в художественной, а также – что отличает английский узус от остальных – в поэзии и в произведениях для детей. Это обстоятельство накладывает ограничения на сочетаемость более заметные, чем в других языках.

Наконец, из экзотичных значений прилагательного *paradigmatic* отметим еще такое: «автор биографии религиозных деятелей как образцов превосходства христианства над остальными религиями» (Webster, 1952), т.е. автор какого-либо жития.

---

¹ «Парадигмы, в рамках которых они работали или которые они пытались сломать».

1.3. Русский узус

В русском языке этот термин издавна фиксируется в энциклопедиях и словарях. Например, в «Малом энциклопедическом словаре в 3-х томах» (1899–1902) Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона¹. В словаре Д.Н. Ушакова – только как грамматический термин², в современных толковых словарях – и как грамматический, и как синоним слов *образец, модель*³. В «Большом энциклопедическом словаре» находим также обе группы толкований⁴.

Однако в художественной литературе вплоть до конца XX в. этого слова практически нет. Один показательный пример встречаем как греческую реалию в историческом романе: *Разве ты не заметил, как похожа она лицом на Афину Партенос Фидия? Знаешь, та парадигма – модель для нескольких копий, в короне и с глазами из хризолита?* (И.А. Ефремов. Таис Афинская); *За модели и парадигмы хороший ваятель берет две тысячи драхм, за статуи и барельефы до десяти тысяч* (там же).

Но на границе XX–XXI вв. оно встречается нередко и в художественных произведениях, причем часто в пародийном контексте, например: *Чтобы докопаться до сути проблемы, я должен вскрыть корневую систему вашего патогенного бессознательного, выявить парадигму невротической симптоматики* (Борис Акунин. Сказки для Идиотов).

---

¹ «Парадигма (греч. paradeigma, “пример”) – в грамматике слово, служащее образцом склонения или спряжения; в риторике – пример, взятый из истории и приведенный с целью сравнения» (Брокгауз, Ефрон, 1899–1902).

² ПАРАДИГМ, парадигма, м., и (чаще) ПАРАДИГМА, парадигмы, ж. (греч. paradeigma – образец) (грам.). Таблица форм какого-н. слова, как образец склонения или спряжения (Ушаков, 1939).

³ Например: «ПАРАДИГМА, -ы, ж. 1. Образец, тип, модель (книжн.). П. общественных отношений. 2. В грамматике: система форм изменяющегося слова, конструкции (спец.). П. имени, глагола. П. прил. парадигматический, -ая, -ое» (Ожегов, Шведова, 1992).

⁴ А именно: 1. ПАРАДИГМА (от греч. paradeigma – пример – образец), в философии, социологии – исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе. Смена парадигм представляет собой научную революцию. 2. ПАРАДИГМА в языкознании – система форм одного слова, отражающая видоизменения слова по присущим ему грамматическим категориям; образец типа склонения или спряжения. Понятие «парадигма» употребляется также в словообразовании, лексикологии и синтаксисе.

Особенно же часто – у Виктора Пелевина, например: *Вы как раз принадлежите к тому поколению, которое было запрограммировано на жизнь в одной социально-культурной парадигме, а оказалось в совершенно другой* (Чапаев и Пустота); *У нас был разговор о христианской парадигме, и поэтому мы говорили в ее терминах* (там же); *маленький транспарант с кривой надписью: «Парадигма перестройки безальтернативна!»* (Девятый сон Веры Павловны).

Однако в гуманитарном дискурсе конца XIX – начала XX в. термин этот звучит вполне естественно. Например: *Читатель прости мне эту автобиографическую справку: я спокойно пользуюсь местоимением «я» там, где оно имеет «парадигматическое» значение как в геометрическом рассуждении: «я беру угол ABC...»* (Ф.Ф. Зелинский. Религия эллинизма).

Впрочем, до прихода куновской концепции иногда находим слово это в таком контексте, который сегодня кажется необычным. Например: *И. Аскольдов, таким образом, монологизует художественный мир Достоевского, переносит доминанту этого мира в монологическую проповедь и этим низводит героев до простых парадигм этой проповеди* (Бахтин, 1929). Особенно показателен следующий пример: *Самые формы идеологического вывода могут быть весьма различны. В зависимости от них меняется и постановка изображаемого: оно может быть или простой иллюстрацией к идее, простым примером, или парадигмой, или материалом идеологического обобщения (экспериментальный роман), или, наконец, может находиться в более сложном отношении к результирующему итогу* (там же).

2. Парадигма в науке XX–XXI вв.

2.1. Парадигма в «куновском» смысле слова

С середины XX в. за термином *научная парадигма* закрепилось значение «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Kuhn, 1962). В текстах Куна эта *парадигма* иногда «очеловечивается»: так, парадигмы, подобно людям, могут «мирно сосуществовать» между собой.

Следующие черты определяют парадигму в куновском смысле.

1. Система взглядов должна быть привлекательной, широко признанной среди большого количества сторонников, а в то же время нетривиальной.

То есть у парадигмы не может быть ровно одного представителя: сторонников должно быть, если следовать Куну, «достаточно много». Парадигма в «куновском» смысле, представленная одним, пусть даже и великим мыслителем, – такой же нонсенс, что в обычном языке словосочетание *многочисленная просьба*. В исходном же словоупотреблении у слова *парадигма* такого ограничения не было.

Иногда парадигмой конкретной науки называют в этой связи влияние других дисциплин (Grayling, 1996). Например, когда определяют, что «парадигмой знаний» для рационалистов (например, для Р. Декарта) была математика, в которой все положения добываются путем интуиции и рационального вывода. Именно поэтому для рационалистов существенны были вопросы о природе логического вывода, об оправданности его, о природе истинности. А для эмпиристов (например, для Д. Юма) такой «парадигмой» были естественные науки, в которых на первом месте находятся эксперимент и наблюдение. Для эпистемологов же, занимающихся проблемой знания, существенны обе парадигмы «организации знания» (в смысле Stone, 1996) – технологии организации разрозненных знаний в целостную картину.

В более позднюю эпоху – в XX в. – социологи науки констатируют другой парадигмальный переход: от философии сознания к философии языка (d'Entreves, 1996), (Ulrich, 1997). И вместе с тем от субъектно-ориентированного рассмотрения к рассмотрению предмета в рамках коммуникации, к «коммуникативной» парадигме (Habermas, 1985).

Таким образом, теория и даже целая дисциплина может стать парадигмой в силу своей привлекательности в данную эпоху. А привлекательность идей заключается, не в последнюю очередь, в продуктивности их. Абсолютно так же, как и в случае человеческих отношений: удачник для большинства привлекательней неудачника. Науке, по-видимому, чужды «материнские» инстинкты: когда есть выбор, мать скорее отдаст предпочтение своему слабому, неудачливому ребенку, нуждающемуся в ее опеке, чем удачливому и состоявшемуся. Наука – однозначно не мать своим ученикам, ей ближе другая роль – роль Кармен.

2. Сторонники одной и той же парадигмы должны опираться на одни и те же «правила и стандарты научной практики». Именно

так создаются предпосылки для того, что Кун называет «нормальной наукой», главная отличительная черта которой поступательное развитие («генезис») и преемственность в традиции того или иного направления исследования.

3. В рамках нормальной науки результаты выполнены в одном формате, т.е. «соположимы»: выводы, полученные одним представителем данной парадигмы, квалифицируются как повторяющие, обобщающие, конкретизирующие или опровергающие выводы предшественников. То есть парадигма – своеобразная накопительная система: исследователи, работающие в ее рамках, добавляют все новые и новые «единицы хранения». Переходя из одной парадигмы в другую, мы вынуждены все те же факты объяснять заново. Вот почему Б. Мальмберг считает, что концепция В. фон Гумбольдта не создавала новой парадигмы: корни этой концепции лежали в эпохе Просвещения, методы сбора и осмысления материала также были созвучны этой эпохе (Malmberg, 1990). Подход к языку как к «неисчерпаемо открытой возможности» (*unbegrenzt offene Möglichkeit*) отличает Гумбольдта от более поздних структуралистских концепций, действительно составивших новую парадигму (там же, с. 28): от взгляда на язык как на закрытую систему.

Иначе говоря, накопление знаний возможно только в рамках определенной парадигмы (Stegmaier, 1988). И это свойство можно использовать для выяснения того, составляли ли два направления теории основу двух разных парадигм.

4. В рамках конкретной парадигмы задачи решаются доказательным путем, когда опираются на достижения предшественников. Более того: достижения коллег – соратников по парадигме – существенны для науки в той мере, в какой на них можно опереться в дальнейших исследованиях основного предмета.

5. Отсюда вытекают важнейшие характеристики социологии науки: необходимость постоянного общения коллег, работающих в одной парадигме (в то время как ученые, работающие вне парадигм, подобны ракам-отшельникам), откуда возникают статусные отношения, иерархии ролевых отношений между людьми, по замыслу своему нацеленные на оптимизацию и ускорение научного прогресса. Более того, один и тот же человек может принадлежать сразу к нескольким разным парадигмам. Известный пример этого – Лейбниц (см.: Brown, 1989). Когда он писал по-французски, то ориентировался на среду, в которой в то время царили совершенно иные настроения и интеллектуальные течения (дух Просвещения), чем в родной ему Германии.

Для французов он писал именно в духе «систем и гипотез», здесь особенно популярна была его «Теодицея». Латинские же произведения его были выдержаны в схоластическом духе, адресованы другой публике и были не менее популярны, но в иной среде. Лейбниц представляет собой, таким образом, пример «бипарадигмальности», сходной с билингвизмом – двуязычием.

2.2. Парадигма как «вершинное достижение»

Кун сузил значение существовавшего до него слова и тем обрек свою теорию на всяческие недоразумения. Ведь для носителя английского языка *парадигма* обладает коннотацией с «высшим достижением», пределом совершенства, а потому с чем-то недостижимым. Говоря вслед за Т. Куном о парадигме, мы вольно или невольно присоединяемся к сторонникам «теоретического монизма», убежденным в том, что для каждого явления возможно только одно адекватное объяснение. И. Лакатос вместо этого термина предложил употреблять словосочетание *research programmes* «исследовательские программы» (Lakatos, 1970). Лакатос, как К. Поппер до него (Popper, 1959) и П. Фейерабенд до и после него (Feuerabend, 1991), призывает к «теоретическому плюрализму», именно эта презумпция лежит за термином *исследовательская программа*.

2.3. Парадигма как господство идеи

Итак, если сегодня ученый употребляет термин *парадигма* в позитивном или нейтральном смысле, то обычно он имеет в виду господство некоторой идеи, преобладание некоторого («парадигмального») взгляда на вещи.

Например, именно так определяет Ю.С. Степанов парадигму (или «философию языка»): «Господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем» (Степанов, 1985, с. 4). И далее: «"Парадигма" связана с определенным стилем мышления в науке и стилем в искусстве. Понятая таким образом "парадигма" – явление историческое» (там же).

Драматизируя события в интеллектуальном мире, о появлении новой парадигмы иногда говорят как о «победе» какого-либо взгляда на вещи, т.е. о сильной теории («завоевывающей» новые рубежи науки), сравнимой с походами Чингисхана. Типичны такие фигуры речи: *Structuralism as defined by the Prague School was accepted as the basis of linguistic analysis. Then the Chomskyan paradigm swept the United States and eventually most of the world's academic community* – «Структурализм в смысле Пражской школы был основой лингвистического анализа. После этого хомскианская революция прошла метлой по Соединенным Штатам и даже по большинству академических сообществ» (Raffler-Engel, 1988, с. 245). И далее: *When the Chomskyan fad passed, structuralism was resuscitated with a vengeance and, unfortunately, pushed to different albeit equally absurd, extremes. Consequently, in recent times it has again been discarded as a faulty approach* – «После того, как увлечение Хомским прошло, структурализм воскрес с чувством мстительности и, к несчастью, дошел до других, но столь же абсурдных крайностей. В результате недавно от него вновь отказались как от заблуждения» (там же).

Итак, чтобы придать теории статус парадигмы, ее очеловечивают, приписывая воинственность и мстительность. Однако не будем забывать: сама теория (как мысленная конструкция) не бывает ни наступающей (революционной), ни вялой: нахрапистыми или деликатными бывают теоретики, «выдвигающие» и «продвигающие» эту теорию.

Продолжая это сравнение, отметим, что орудием (или «оружием») завоевания новых вершин являются не только новые методики наблюдения и обработки материала, но и интеллектуальный инструментарий – ключевые понятия. Например, Макс Штирнер произвел изменение философской парадигмы, когда в центр внимания ввел проблему «наслаждения жизнью» (*Genuss des Lebens*), вместо бытия предметом рассуждений философа стало «ничто» (*Nichts*): онтология предстала как «меоонтология», т.е. бытие как «небытие» (Linares, 1995). Вместо общего героем его выкладок стали отдельное, частное (*das Einzelne*) и даже единственное (*das Einzige*). В психологии смену парадигм часто связывают с осознанием того, что большую часть психической жизни определяет подсознание, а потому особый интерес привлекли к себе методики исследования того, как проявляются подсознательные мотивы в человеческом поведении (Obirst, 1990).

Л. Витгенштейн вошел в историю как автор нескольких парадигмообразующих идей. Так, он известен как популяризатор исполь-

зования (в качестве инструмента для обнаружения новых истин) понятия «семейного сходства», впоследствии позволившего открыть парадигму теории прототипов в психологии и теории языка (подробнее см.: Spried, 1993). Другая идея Витгенштейна – метафора «язык – это игра со своими правилами игрового поведения», по мнению некоторых (Dumoncel, 1991), заложена в поздних исследованиях Г. Фреге. Эта идея позже была модифицирована (в частности, Дж. Остином) в «парадигму» теории речевых актов, основная идея которых – «высказывание – не объект, а действие».

Среди этих инструментов мы находим не только радикально новые идеи, но и переосмысление старых понятий. Так, когнитивная парадигма научного знания, представляющая «одно из самых перспективных направлений в исследованиях междисциплинарного характера» (Кубрякова, 2004, с. 41), в языкознании представлена «парадигмой когнитивной лингвистики», в которой (по Rudzka-Ostyn, 1993) предлагаются следующие обновления старых взглядов:

- язык – одна из когнитивных областей человека (one domain of human cognition), связанный с другими областями и поэтому отражающий взаимодействие психологических, культурных, социологических, экологических и других факторов; поэтому-то язык должен быть предметом междисциплинарного исследования;

- языковая структура зависит от «концептуализации», которая, в свою очередь, является результатом опыта в освоении человеком себя и окружающего пространства, а также отношений к этому внешнему миру;

- единицы языка также подчиняются категоризации, приводящей к сетям «концептуальной» зависимости, организованным по принципам прототипов; большая часть этих связей носит метафорический и метонимический характер;

- грамматика мотивирована семантикой; я бы сказал так: грамматические свойства языка выводимы из семантических потребностей человека;

- значение языковой единицы – концептуальная структура, «конвенционально» связанная с этой единицей; связь эта основана на образных ассоциациях с физическим пространством; поскольку подобные концептуализации очень зависят от такого окружения, значения нельзя сформулировать в универсальных терминах, они уникальны для каждого языка;

- значения задаются в терминах «релевантных» структур знания (типа «концептуальных областей», «сцен», «наивных моде-

лей», «когнитивных моделей»); среди этих структур различаются фокусные и фоновые;

– в силу сказанного синтаксис, морфология, фонология, лексикон, семантика и т.д. зависят друг от друга, не обладают «автономией» от внеязыкового поведения и от внеязыкового знания.

В момент возникновения парадигмы, популяризации новых идей тексты новаторов организованы так, чтобы читатель все время отдавал себе отчет, в чем состоит новизна. Например, так устроены тексты А. Эйнштейна, Л. Ельмслева, Н.Я. Марра и т.д. Однако затем, после завоевания популярности, в период «нормальной науки» основные понятия, вводимые парадигмой, представляются как достояние всей науки в целом, а не как отдельная теория. Особенно когда достижения новой теории описываются в учебниках (Neuser, 1995). И понятно почему: на первых этапах необходимо «завоевать» сторонников, привлечь их яркими объяснениями и фактами. А составители учебников стремятся эти завоевания «легализовать» и освоить.

Исследование особенностей текста научных сочинений (например, Markkanen, Schroder, 1992) показало, что сторонники одних парадигм чаще прибегают к «загородочным» предикатам¹ (например, Хабермас, 1985), чем другие. Различаются авторы и по употребительности личных местоимений (авторских *я/мы*) активных и пассивных форм наклонения, модальных слов, определенных риторических средств: тексты одних парадигм более образны и метафоричны, чем тексты других. Принадлежность к парадигме часто сигнализируется и сходством стилистики в подаче мыслей.

2.4. Парадигма и взаимопонимание исследователей

На другое обстоятельство, связанное с употреблением термина *парадигма*, указывает Ст. Тулмин: «Основной парадокс классической теории научных революций состоит в следующем: она подразумевает, что между теми, кто поддерживает различные парадигмы, неизбежно взаимное непонимание. Этого заключения нельзя избежать до тех пор, пока мы рассматриваем парадигмы, или плеяды абсолютных предположений, в качестве единых и неделимых» (Тулмин, 1984, с. 134). И далее: «Принципиальное непонимание неизбежно только в том случае, когда

---

¹ По-английски *hedging*, т.е. средство «уйти от ответственности» за истинность своих слов. К. Поппер мог бы такие средства выражения поместить в рубрику нефальсифицируемых (а потому не подходящих для действительной науки) средств выражения (Popper, 1962).

обе партии в споре не имеют ничего общего в своих дисциплинарных устремлениях. Если же имеется хотя бы минимальная преемственность дисциплинарных целей, то ученые с совершенно несовместимыми теоретическими идеями в общем все же получают основу для сравнения достоинств соответствующих объяснений, и конкурирующие парадигмы или предположения, даже если они несовместимы на теоретическом уровне, все же останутся рационально соизмеримыми в качестве альтернативных способов решения общего круга «дисциплинарных» задач» (Гулмин, 1984, с. 136).

Выйти из этого заколдованного круга помогает следующее положение: «В естественных науках процедуры истолкования и понимания существенно маскируются периодами так называемой “нормальной науки”, когда основные ценности теории, входящие в ее парадигмы, не подвергаются сомнению и пересмотру. Однако в период кризиса естественнонаучной теории и разрушения ее парадигмы, когда на арену выходят конкурирующие системы ценностей, объяснение и понимание заметно расходятся. В такой ситуации споры о понимании становятся обычным делом» (Ивин, 1987, с. 43).

3. «Куновская» парадигма в языкознании

Некоторые исследователи (например, Tollefson, 1981) иногда различают две парадигмы социологически ориентированной теории языка:

– дескриптивную парадигму, с двоякой целью:

установить, кто, когда, при каких обстоятельствах, как и т.п. говорит на данной разновидности языка, употребляет данные средства выражения с данными намерениями;

установить причины, по которым социальные институты предрасполагают именно к данным стандартам выражения, а также по которым эти стандарты меняются, по-разному и в различной степени часто;

– оценочную («эвальноативную») парадигму, связанную с регулированием этих стандартов, с оптимизацией и «языковым строительством».

Во второй «парадигме» язык рядоположен остальным социальным факторам, таким как сырье, трудовые ресурсы и т.п. Однако очевидно, что обе парадигмы существовали и существуют в любую эпоху развития общества. Следовательно, если придерживаться

этой точки зрения, единой парадигмы в языкознании и быть никогда не могло. В теории научных парадигм различают (Kisiel, 1982):

- парадигмы в широком смысле – набор взглядов, ценностей и техник, используемых приверженцами некоторой парадигмы;

- парадигмы в узком смысле – образцы решения конкретных задач, служащие в дальнейшем образцами для трактовки других проблем данной же научной дисциплины, входя в состав или иллюстрируя «парадигму» в широком смысле слова.

Например, когда объясняют правила родного языка в рамках так называемой «традиционной» грамматики, следуя старым образцам, указывают, скажем, что глаголы с инфинитивом на –*еть* в форме 3 лица единственного числа имеют флексию –*ет* или (под ударением) –*ёт*, а затем перечисляют все исключения (типа *видеть*, *слышать*, *ненавидеть* и т.д.), которые отклоняются от этого правила и которые «надо запомнить». То есть сначала формулируется общее правило, а потом перечисляются исключения.

Этот технический прием – один из многих, составляющих парадигму в узком смысле слова. И именно этот набор приемов переходит по наследству от одной парадигмы (в широком смысле) к другой. В наибольшей степени подобные приемы используются в описаниях, ориентированных на «простого» потребителя – на школьного учителя. Вот почему говорят о парадигме (опять-таки в широком смысле) «традиционных», или «школьных», грамматик. В рамках сравнительно-исторической парадигмы, а затем в структурализме, в порождающей грамматике, в функциональной грамматике, в грамматике текста (этот набор «парадигм» констатируется в работе (Jacobsen, 1986)) подобные приемы либо запрещаются (поскольку там стремятся объяснить те же явления, не прибегая к списку исключений), либо допускаются с оговорками или маскируются. То есть парадигмы связаны между собой в узком и в широком смыслах.

К важнейшим конкретным задачам лингвиста относятся описание и объяснение свойств системы языка и речевого поведения человека.

Когда говорят о «смене парадигм» (иногда такое выражение считают простым синонимом для другого, более привычного: научный прогресс (см.: Hundsnurscher, 1992)), имеют в виду не только возникновение новых идей, но и завоевание доверия к этим идеям со стороны все новых сторонников. В языкознании такие идеи связаны с основными представлениями о том, что же такое язык, как добываются, хранятся и используются языковые знания. Ведь в от-

личие от других эмпирических дисциплин, эксперимент в языкознании очень специфичен, об этом писал еще Л.В. Щерба (Щерба, 1974). Эксперимент лингвиста, в частности установление того, правильно ли данное выражение на данном языке, по существу опрос интерпретатора, часто самого себя. Фаза получения данных совпадает с фазой интерпретации этих данных. Статистическая обработка текстов, словарей и т.п. – это разновидность процедур обработки данных, а не эксперимент в собственном смысле. Однако очень часто результаты такой обработки бывают неожиданными даже для самого лингвиста.

В то же время в рамках одного текста стараются не употреблять этот термин одновременно в двух разных смыслах. Так, наблюдения над большим корпусом текстов по лингвистике показывают, что в описательных сочинениях, в которых термин *парадигма* используется в грамматическом смысле (парадигма спряжения, склонения и т.п.), избегают использовать этот же термин в куновском смысле. Например, более чем в 250 выпусках «Амстердамских исследований по теории и истории лингвистической науки» серии IV «Современные вопросы лингвистической теории» куновские парадигмы упоминаются считаное количество раз, зато очень часто употребляются такие словосочетания, как *case paradigms*, *verbal paradigms*, *passive paradigm* и т.п. А в серии III «Исследования по истории лингвистических наук» превалирует употребление *paradigm* именно в куновском смысле.

Очень долгое время в языкознании о парадигме в куновском смысле вряд ли можно было говорить всерьез.

Возьмем, например, тест на преемственность. Когда один лингвист-практик описывает грамматику амхарского языка, насколько он может опереться на достижения авторов грамматики русского языка? Ведь если у двух исследователей общими являются только рабочие определения грамматических категорий, «мета-язык» и т.п., это еще не всегда предопределяет выполненность остальных требований к парадигмам в смысле Куна.

Поэтому, когда историки теории языка говорят о парадигмах лингвистики в прошлом, далеко не всегда имеют в виду выполненность абсолютно всех названных условий.

Некоторое приближение лингвистики к состоянию «нормальной» науки (а может быть, только иллюзия этого?) появилось в период становления генеративной методики в 50–70-е годы (в работе (Anders, 1984) эта история излагается в терминологии Т. Куна). Так,

исходя из предположения об универсальности общей грамматической схемы описания языков, исследуя общую структуру порождающей грамматики, например, принципы упорядочения правил, принципиальную схему грамматических модулей и т.п., соратники по генеративизму несомненно опирались на результаты друг друга, даже если базировались на данных разных языков. В итоге сложилось такое положение, когда для отказа от какой-либо гипотезы о структуре грамматики английского языка достаточно было найти контрпримеры из какого-нибудь экзотического языка. Плюс бросающаяся в глаза непредопределенность решений, характерная для эмпирических наук: до проведения наблюдений нельзя было предсказать, каким должно быть искомое решение.

Однако в работе (Percival, 1976) высказывается сомнение в том, что генеративная лингвистика может быть названа парадигмой. А именно из-за социологического параметра: она не стала единственным стандартом научности для всех лингвистов мира.

Общественные науки вообще обречены на политеоретичность¹, а следовательно, на отсутствие единого парадигматического стандарта. В языкознании вряд ли когда-нибудь закончится «спор о парадигмах» (*Paradigmendebatte*), при котором речь идет не столько о расширении набора «позитивных знаний» – как в «нормальных» науках, – сколько (по Kopperschmidt, 1977) о злободневности и приложимости тех или иных теоретических объяснений к фактам, об их парадигмальности. Впрочем, есть «особые» разделы науки о языке, типа риторики, где знания не столько аккумулируются, сколько на каждом последующем этапе переоткрываются как бы заново: фазы обостренного интереса к тем или иным знаниям сменяются «фазами забвения» (там же, с. 3).

Другое измерение техник объяснения заключается, по Ю.Н. Караулову, в противопоставлении идеи о системно-структурном характере организации языка и идеи историзма: эти идеи «составляют две основные парадигматики современной лингвистики» (Караулов, 1988, с. 6). В рамках одной парадигмы факты употребления языка объясняются через факты того же синхронного среза, а в рамках другой парадигмы объяснительность заключается в описании того, как возникло и как развивалось то или иное свойство языка.

---

¹ Учитывая же, что «единообразие» – черта модерна, а «множественность» и «многозначность» – черты постмодерна (Friesen, 1995), можно сказать, что гуманитарные дисциплины исходно несли в себе постмодернизм.

Именно парадигму в узком смысле слова также имеют в виду, когда объясняют «оживление интереса к работе, связанной непосредственно с компаративистской процедурой», началом новой смены «научной парадигмы» (Дыбо, 1987, с. 16). Ведь имеют в виду конкретную методiku сбора и объяснения конкретных фактов конкретных языков, а именно: привлекая к такому объяснению свойства родственных языков.

Еще одна особенность, различающая между собой конкурирующие научные парадигмы, – терминология, более принятая в одной парадигме и избегаемая в другой «по идеологическим мотивам». Так, сторонники когнитивной парадигмы сегодня, по мнению остальных членов научного сообщества, иногда злоупотребляют такими терминами, как *когниция*, *концептуализация* и т.п. Избыточное (с содержательной точки зрения) использование в лингвистике и этих терминов, и жаргона информационно-поисковых систем (об этом см.: Olsen, 1982) – что-то вроде опознавательного знака: «Я сторонник когнитивной парадигмы», особенно когда высказывания с этими терминами в тысячный раз повторяются почти буквально.

В этом отношении лингвистические парадигмы мало отличаются от парадигм в иных дисциплинах. Так, в теоретическом программировании тоже иногда разграничивали различные парадигмы, в зависимости от того, какова идеология (главная идея), лежащая в основе того или иного языка программирования: использование рекурсивных функций, идей структурного программирования и т.п. (Dasgupta, 1982).

История теорий языка показывает, что в лингвистике появление новой теории, новых идей не вызывает крушения и радикального пересмотра старых данных. Историю теоретического языкознания можно рассматривать поэтому как развитие парадигм, а не просто «идей и методов». Недаром до последнего времени наиболее часто в русскоязычной литературе говорили об «истории лингвистических учений», а не об «истории лингвистических теорий». Ведь русское понятие *учение* очень близко к куновскому «парадигма».

Заключение

Наш материал показывает следующее.

1. Термин *научная парадигма* за пределами научного метаязыка начинает употребляться более или менее часто на границе XIX и XX вв. Однако звездный час его пробил в середине XX в.,

когда стало ясно, что от человеческого фактора нельзя отмахнуться даже в так называемых «точных» науках. Причем одновременно этот термин получил новое, «куновское» значение, не совпадающее ни с этимологическим, ни с теми, которые зарегистрированы в западноевропейских и в русском языках на протяжении многих веков.

2. По значению и употреблению термин *парадигма* отличается от термина *теория*.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. – Л., 1929. – 187 с.
Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Малый энциклопедический словарь: В 3 т. – СПб., 1899–1902.
Дыбо В.А. Книга Хенрика Бирнбаума и современные проблемы праязыковой реконструкции // Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. – М., 1987. – С. 15–16.
Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопр. философии. – М., 1987. – № 8. – С. 31–43.
Караулов Ю.Н. Эволюция, система и общерусский языковой тип // Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование / Ред. Караулов Ю.Н. – М., 1988. – С. 6–31.
Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М., 1992. – 944 с.
Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1985. – 335 с.
Тулмин Ст. Человеческое понимание: Пер. с англ. – М., 1984. – 327 с.
Толковый словарь русского языка / Под ред. Ушакова Д.Н. – М., 1939. – Т. 3. – 1424 с.
Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.
Anders G. Der Wechsel von struktureller zur generativen Linguistik: Historiographie- und Begründungsprobleme in der Sprachwissenschaft. –Pffaffenweiler, 1984. – VII., 216 S.
Brown S. Leibniz and the fashion for systems and hypotheses // Philosophers of the Enlightenment / Ed. by Gilmour P. – Edinburgh, 1989. – P. 8–30.
Chapman J.J. Emerson and other essays. – N.Y., 1899. – 432 p.
Dasgupta S. Computer design and description languages // Advances in computers / Ed. by Yovits M.C. – N.Y. etc., 1982. – Vol. 21. – P. 91–154.
D'Entrives M.P. Introduction // Habermas and the unfinished project of modernity: Critical essays on 'The philosophical discourse of modernity' / Ed. by D'Entrives M.P., Benhabib S. – Cambridge, 1996 – P. 1–37.

- Dumoncel J.-C.* Le jeu de Wittgenstein: Essai sur la "Mathesis Universalis". – P., 1991. – 221 p.
- Feyerabend P.K.* Three dialogues on knowledge. – Oxford, 1991. – [V], 167 p.
- Friesen H.* Die philosophische Aesthetik der postmodernen Kunst. – Würzburg, 1995. – 102 S.
- Grayling A.* Epistemology // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by Bunnin N., Tsui-James E. – Oxford, 1996. – P. 38–63.
- Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne: Zwölf Vorlesungen. – Frankfurt a. M., 1985. – 214 S.
- Heritage: The American Heritage book of English usage: A practical a. authoritative guide to contemporary English. – Boston; N.Y., 1996–2000. – 802 p.
- Hoyningen-Huene P.* Die Wissenschaftsphilosophie Thomas Kuhns S. / Geleitet von Kuhn T. S. – Braunschweig; Wiesbaden, 1989. – [VIII]. – 288 S.
- Hundsnurscher F.* Does a dialogical view of language amount to a paradigm change in linguistics: Language as dialogue // Methodologie der Dialoganalyse / Ed. by Stati S., Weigand E. – Tübingen, 1992. – P. 11–14.
- Jacobsen B.* Modern transformational grammar: With particular reference to the theory of government and binding. – Amsterdam etc., 1986. – XV, 441 p.
- James W.* The meaning of truth: A sequel to "Pragmatism". – L. etc., 1909. – XXIII, 298 p.
- Kisiel T.* Paradigms // Contemporary philosophy: A new survey. – The Hague etc., 1982. – Vol. 2: Philosophy of science / Ed. by Fluviastad G. – P. 87–110.
- Kopperschmidt J.* Rhetorica: Aufsätze zur Theorie, Geschichte und Praxis der Rhetorik. – Hildesheim etc., 1985. – XII, 229 S.
- Kuhn T.S.* The structure of scientific revolutions. – Chicago, 1962. – 213 p.
- Lakatos I.* Falsification and the methodology of scientific research programmes // Criticism and the growth of knowledge / Ed. by Lakatos I., Musgrave A. – Cambridge, 1970. – 34–67 p.
- Linares F.* Max Stirners Paradigmenwechsel. – Hildesheim etc., 1995. – VII, 81 S.
- Malmberg B.* Wilhelm von Humboldt und spätere Linguistik // Proceedings of the Fourteenth international congress of linguists: Berlin (GDR), Aug. 10 – Aug. 15, 1987 / Hrsg. Banner W., Schildt J.V.D. – B., 1990. – S. 19–29.
- Markkanen R., Schroder H.* Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: A case study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschr. für Christer Laurin / Hrsg. by Nordmann M. – Frankfurt a. M. etc., 1992. – S. 121–130.
- Neuser W.* Natur und Begriff: Zur Theorienkonstitution und Begriffsgeschichte von Newton bis Hegel. – Stuttgart; Weimar, 1995. – IX, 256 S.
- Obrist W.* Archetypen: Natur- und Kulturwissenschaften bestätigen C.G. Jung. – Olten; Freiburg (Breisgau), 1990. – 235 S.
- Olsen S.E.* On information processing paradigm in the study of human language // J. of pragmatics. – Amsterdam, 1982. – Vol. 6. – P. 305–819.
- Percival W.K.* The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics // Language. – Baltimore, 1976. – Vol.52, N 2. – P. 285–294.

- Petit Robert* – Nouveau Petit Robert: Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française. – P., 1997. – 987 p.
- Popper K.R.* The logic of scientific discovery. – L., 1959. – 453 p.
- Popper K.R.* Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. – N.Y.; L., 1962. – XI, 412 p.
- Raffler-Engel W. von.* The relevance of structuralism to the study of non-verbal behavior // The Prague school and its legacy in linguistics, literature, semiotics, folklore, and the arts: Containing the contrib. to a Colloquium on the Prague school a. its legacy held at the Ben-Gurion U. of the Negev, Be'er Sheva, Israel, May 1984 / Ed. by Tobin Y. – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – P. 245–261.
- Roget Peter M.* Roget's Thesaurus of English words and phrases / Rev. from Peter Roget by Browning D.G. – L., 1952. – 760 p.
- Rudzka-Ostyn B.* Introduction // Conceptualizations and mental processing in language / Ed. by Geiger R.A., Rudzka-Ostyn B. – Berlin; N.Y., 1993. – P. 1–20.
- Simmel G.* Philosophische Kultur: Gesammelte Essays. – 2, um einige Zusätze vermehrte Aufl. – Leipzig, 1919. – [III,] 295 S.
- Splett J.* Althochdeutsches Wörterbuch: Analyse der Wortfamilienstrukturen des Althochdeutschen, zugleich Grundlegung einer zukünftigen Strukturgeschichte des deutschen Wortschatzes. – B.; New York, 1993. – Bd I, T. 1. – LXXVI, 578 S.
- Stegmaier W.* Die Innovation der Gegenwart // Tradition und Innovation: XIII. Dt. Kongress für Philosophie, Bonn 24–29. September 1984 / Hrsg. von von Kluxen W. – Hamburg, 1988. – S. 59–69.
- Stone H.* The classical model: Literature a. knowledge in the seventeenth century France. – Ithaca; L., 1996. – XIX, 234 p.
- Tollefson J.W.* Alternative paradigms in the sociology of language // Word. – N.Y., 1981. – Vol. 32, N 1. – P. 1–13.
- Ulrich P.* Gewissheit und Referenz: Subjektivitätstheoretische Voraussetzungen der intentionalen und sprachlichen Bezugnahme auf Einzeldinge. – Paderborn etc., 1997. – 317 S.
- Webster N.* A dictionary of the English language, explanatory, pronouncing, etymological, and synonymous, with a copious appendix: Mainly abridged from the quarto dictionary of Noah Webster, LL. D. As rev. by Chauncey A. Goodrich, D.D. and Noah Porter, D.D. By William A. Wheeler. With supplement of nearly four thousand new words and meanings. Illustrated by more than six hundred engravings on wood. – Springfield (Mass.), 1872. – XI, 1000 p.
- Webster N.* Webster's New World college dictionary. – N.Y., 1994. – 1204 p.